Колоколова Н. М.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 89-92. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Колоколова Н. М.
Астраханский государственный университет

Основные философские вопросы: проблема сущности человека, смысл и предназначение, пространство и время человеческого бытия, в конце XX века получили гендерное измерение. Это нашло отражение в широко разворачивающихся во многих странах мира гендерных исследованиях.

Как научное направление гендерные исследования стали результатом интенсивного развития феминистских практик. Само понятие гендер (gender), как отмечают исследователи, было введено в научный обиход с 60-х годов XX века. В научных трудах этим понятием стали оперировать для того, чтобы провести границу между понятием биологический пол (sexus) и социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты «мужское - женское»: разделение ролей, культурные традиции, отношения власти в связи с полом людей [Матурана 1995; Горошко 1995; Грошев 1998; Кирилина 1999в].

В 80-е годы получает развитие новый этап этого мощного научного потока, когда происходит переход от анализа патриархата и специфического женского опыта к анализу гендерной системы. Женские исследования (women's studies) перерастают постепенно в гендерные, где на первый план выдвигаются подходы, согласно которым все аспекты социальности и культуры могут иметь гендерное измерение и основным акцентом которых является стремление понять, как гендер присутствует, конструируется и воспроизводится во всех социальных процессах. Новая концепция гендера перевела предмет «женщины» в более широкое проблемное поле полового различия как такового. Некоторые исследователи отмечают, что этот сдвиг совпадает с переходом от «социальной истории» к «культурной истории». Расширилось содержание «женских» исследований, включив проблемы маскулинности и сексуальности. В настоящее время гендерные исследования обогатились направлением man's studies.

В 90-е годы гендерные исследования становятся достаточно распространенными во многих лингвокультурах и ставят перед собой приоритетной задачей рассмотрение отношений власти и политико-культурных метафор, выражающих давление мужского менталитета. Их теория и практика на Западе были направлены не только против сексизма, но и против тех идеологий и институтов, которые сознательно или бессознательно построены на отношениях неравенства.

В гендерных исследованиях выделяются разные методологические подходы. И. А. Жеребкина [Жеребкина 1996] представляет в качестве основных два метода: 1) метод «социалистического феминизма» и 2) метод «теории различия».

Первый тип методологии гендерных исследований строится на факте признания субъективной идентичности и, в частности, на признании отсутствия различия между женским и мужским типами субъективности. Такой методологией пользуется скорее американская феминистская традиция.

Второй тип методологии исходит из различий, как в структуре субъективности, так и внутри структур женской и мужской идентичности. Этот тип соответствует больше европейской и особенно французской традиции феминистской теории и практики.

И. А. Жеребкина отмечает, что каждый тип методологии имеет свой определенный метаязык описания. В первом случае оперируют традиционными понятиями, такими как субъект, сознание, самосознание и т.п. Он описывает макропроцессы, структурируемые и видимые процессы реальности. Второй тип языка в гендерных исследованиях описывает микропроцессы реальности. Микрореальность - это то, что происходит не на уровне структурированной идентичности, а на уровне той нелокализуемой множественности, которая не оформляется в единство «мужское» или «женское». При таком подходе важно то, что женщина мыслится как нечто радикально иное по отношению к мужчине, ибо любая система реальности представлена через наличие в ней феноменов «другого», «иного», «различного», не позволяющих ей существовать в виде самозамкнутой системы [Жеребкина 1996].

О. Н. Колосова выделяет три основных подхода в современных зарубежных гендерных исследованиях [Колосова 1996].

Первый подход сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелен на выявление тех языковых различий, которые объясняются особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом «мужской» или «женский» язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии [Кирилина 1998а, 1999в; Lakoff 1973; Smith 1985; Trömel-Plötz 1982].

Второй - социопсихологический подход - сводит «женский» и «мужской» язык к особенностям языкового поведения полов. Для представителей данного направления статистические показатели или определение средних параметров составляют основу для психолингвистических построений мужского и женского типов речевого поведения [Баско 1995; Вейлерт 1976; Горошко 1999; Крючкова 1975; Mackay 1979].

Сторонники третьего направления делают упор на когнитивном аспекте различий в языковом поведении полов. Для них, прежде всего, существенно создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий [Колосова 1996; Холод 1999; Adler 1987; Archer, Lloyd 1982].

В современной научной парадигме все три подхода считаются взаимодополняющими, и лишь в своей совокупности они обладают объяснительной силой [Потапова, Потапов 2006].

А. В. Кирилина выделяет шесть основных направлений, которые могут быть дифференцированы как концептуально, так и с позиции методологии и характера изучаемого материала [Кирилина 1999в, 2004]:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие языковое поведение обоих полов.
4. Исследования маскулинности (самое молодое направление, возникшее в конце XX столетия).
5. Психолингвистические исследования. В рамках данного направления проводятся работы в области нейролингвистики, изучения онтогенеза речи, исследования когнитивных особенностей и различий между мужчинами и женщинами и их проявления в речи.
6. Кросскультурные, линвокультурологические исследования, включающие гипотезу гендерных субкультур [Maltz, Borker 1982].

Однако автор считает, что данная классификация является весьма условной, и все эти направления имеют много общего. Причем одной из отличительных черт гендерной лингвистики является ее междисциплинарный характер, и часто работы в данной области могут одновременно развиваться в рамках нескольких направлений [Кирилина 1999в].

Стимулом для исследований в области гендерологии послужило также развитие квантитативной лингвистики, предоставившей в распоряжение ученых обширный количественный и статистический материал об особенностях функционирования языка в специфических социальных группах [Labov 1971; Trudgill 1972]. В центре исследования Лабова находился фонологический аспект, в рамках которого было установлено, что женщины предпочитают употреблять более престижные формы произношения, что частота различий в произношении у мужчин и женщин в английском языке значительно снижалась с повышением их социального статуса и уровня образования. Аналогичные результаты были получены при исследовании гендерных аспектов коммуникации на материале ряда других европейских языков [Philips 1987; Guntner, Kotthoff 1991]. Кроме того, Лабов доказал, что любой говорящий варьирует использование языка и не произносит один и тот же фонологический вариант слова во всех случаях его употребления. Этот вывод имел существенное научное значение, так как «более ранние труды по гендерной проблематике, как правило, имплицитно или эксплицитно содержали вывод об имманентном характере различий мужского и женского говорения как фактора биологически обусловленного» [Кирилина 1999].

Большое внимание фонологии было уделено также в исследовании Траджилла, который занимался вопросами произносительных вариантов в английском языке [Trudgill 1972; Nicols 1983; Coates 1986].

В социолингвистике также встречается гипотеза о большей консервативности «женского» языка, однако ее обоснованность вызывает у ряда исследователей сомнения [Nabrings 1981].

Основной массив данных кросскультурных и линвокультурологических исследований получен на основе американского варианта английского языка. Но эта проблема мало разработана на материале других языков. И это не дает пока основания свидетельствовать о полном представлении фактов гендерной картины мира [Кирилина 1999в; Малишевская 1999; Халеева 1999; Бурукина 2000; Рябов 2000]. Однако на основе уже изученного материала можно констатировать, что номинативная система языков неодинаковым образом манифестирует концепты «мужественность» и «женственность» и придает им неодинаковое значение. Речевое поведение мужчин и женщин может различаться в зависимости от норм соответствующей культуры. Как полагает А.В.Кирилина, «для контрастивной лингвокультурологии существенно сопоставление культурных концептов [Вежбицкая 1999] и их интерпретация» [Кирилина 1999в]. Такие исследования ставят своей задачей описание культурных концептов «женственность» и «мужественность» и выявление их составляющих. В рамках этого подхода постулируется описание наивной картины мира, где представлены взаимодействие и взаимопроникновение культур и языков, а также формы фиксации в различных языках культурно значимой гендерной информации.

Некоторые исследователи зарубежной лингвистики делают акцент на когнитивном подходе, так как важным аспектом гендерных исследований является также сфера языкового сознания говорящих - динамичная и комплексная среда, существующая в виде разнообразных речевых построений и представляющая единство когнитивных, эмоциональных и языковых процессов. Так, в английском языке употребление местоимений первого лица позволяют высветить определенную разницу в языковом сознании женщин и мужчин [Allen, Guy 1974].

В лингвистической литературе существует ряд работ, в которых в большей или меньшей мере затрагиваются вопросы грамматической категории рода [Eakins B., Eakins R. 1978; Spender 1985]. Категория рода является характерной чертой грамматического строя индоевропейских языков, несмотря на то, что они отражают разную степень сохраняемости рода, которая находится в прямой зависимости от устойчивости синтетизма в системе словоизменения. Развитие аналитизма в английском языке привело к разрушению словоизменения и утрате родовых противопоставлений в именах. Таким образом, род превратился в скрытую категорию, обнаруживаемую только через местоимения he, she, it. Ряд имен существительных, обозначающих живые существа, может относиться как к мужскому, так и женскому роду. И когда хотят указать, к какому полу относится данное лицо или животное, то к существительному прибавляется слово, указывающее на пол. Следовательно, в английском языке, как и во многих индоевропейских языках, нейтральными словами, обозначающими лиц обоих полов, являются слова мужского рода.

Это основное положение вызывает негативное отношение со стороны определенной группы лингвистов, борющихся за пересмотр гендерного признака в современном английском языке. Они считают, что практика закрепления мужского рода за нейтральными понятиями связана с наличием предубеждений в английском обществе в ходе его исторического развития, когда оно являлось «обществом для мужчин» с доминантой патриархата, что не могло не отразиться на эволюции английского языка. Ими предлагается замена слов с родовым признаком man на генерализирующую лексему person.

В неевропейских языках гендерный фактор разработан мало [Нгуен Дык Тон 1989; Ван Эр дон 2000; Яковлева 2000]. Вместе с этим фрагментарно гендерные аспекты языка в межкультурном сравнении представлены в трудах лингвистов, не причисляющих себя к гендерологам [Вежбицкая 1996; Телия 1996 и др.].

В общем, зарубежные гендерные исследования выявили следующие тенденции:

- в сфере грамматики существуют определенные различия между женской и мужской речью;

- гендерные различия на уровне языка как системы выявляют определенные асимметрии, проявляющиеся в виде семантических лакун, когда в языке отсутствует обозначение для какого-либо концепта [Халеева 2000];

- речь женщин более эмоциональна, что сказывается в их пристрастии к употреблению экспрессивных форм общей оценки.

Как продемонстрировали результаты исследований в области гендерной проблематики, в специальной литературе уделяется большое внимание не только конкретным фактам, но и терминологии в данной сфере знаний [Потапова, Потапов 2006]. Так, можно фиксировать появление таких терминов, как «гендерный нейтральный язык» (gender neutral language), синонимичный ему термин «безгендерный язык» (non-gender specific language), «сексистский язык» (sexist language), «несексистский язык» (non- sexist language). Многообразие нововведенных терминов требует дальнейших изысканий и многостороннего осмысления.

Вместо бинарного понятия «пол» возникает множественное - «гендер», «представляющее собой не только биологическую субстанцию, но и культурно обусловленный мыслительный конструкт» [Кирилина 1999в].

Гендерная самоидентификация входит в число когнитивных ресурсов, как отдельной личности, так и общества. В соответствии с этим гендер может быть рассмотрен как измерение, как параметр исследования во многих общественных науках. К тому же, признание теории различения позволяет более обоснованно заявлять о принципе междисциплинарности в гендерных исследованиях. Такой подход характерен и на уровне исследования конкретных проблем, и на уровне обоснования гендерной асимметрии в целом.

Удивительно много наук включаются в гендерные исследования. Это: философия, социология, история, антропология, психология, экономика, демография, политология, этнография, культурология и др.

Гендерный фактор особенно пристально изучается в последние десятилетия такими учеными-лингвистами как: Горошко 1995; Бакушева 1995; Белянин 1999; Потапов 1997; Холод 1997; Трошев 1998; Кирилина 1999в; Халеева 1999; Романов 2000; Сорокин 2000 и др.

Так как понятие гендера включено в лингвистическое описание с целью подчеркнуть социальные аспекты пола и связанные с ним культурные традиции и стереотипы, фиксируемые языком, и самым непосредственным способом влияющие на поведение и самоидентификацию личности, исследование этого феномена, безусловно, заслуживает пристального внимания со стороны когнитивной лингвистики, психолингвистики, эмотиологии, лингвопрагматики, теории коммуникации и речевого воздействия, социолингвистики и ряда других лингвистических наук.

Даже если сам по себе гендер и не является лингвистической категорией, его содержание, в значительной мере, может быть раскрыто путем анализа структур языка [Крючкова 1975; Жельвис 1989; Бакушева 1995; Горошко 1999; Романов, Витлинская 2000].

Список использованной литературы

1. Баско Н. А. Половой дисбаланс и синтаксис простого предложения // Антропоцентризм и прагматика. - Кривой Рог – Москва, 1995. - С. 97-100.

2. Бурукина О. А. Гендерный аспект перевода // Гендер как интрига познания / Под ред. И. И. Халеевой. - М., 2000. - С. 99-107.

3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999.

4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. – 416 с.

5. Витлинская Т. Д. Гендерная вариативность в коммуникативном акте настаивания // Animus et Anima: языковые картины мира и формы речевого поведения / Под ред. А. Л. Романова. - Москва-Тверь, 2000. - С. 44-51.

6. Горошко Е. И. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи // Человек говорящий: язык, познание, культура / Под ред. А. А. Романова. - Москва-Тверь, 1995. - С. 25-36.

7. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма // Гендерный фактор в языке и коммуникации. - Иваново, 1999. - С. 28-41.

8. Грошев И. В. Полоролевые стереотипы и гендерная невербальная коммуникация в зеркале рекламы // Вестник ТГТУ. - № 4. - 1998. - С. 4-50.

9. Жеребкина И. Теория и история феминизма. - Харьковский центр гендерных исследований: Ф-Пресс, 1996.

10. Кирилина А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. - М., 1998. - № 2. - С. 51-58.

11. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. - М., 1999. – 190 с.

12. Колосова О. В. Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка): Дис. …. д-ра филол. наук. - М., 1996.
13. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. - М., 2006.

ЗАЩИТНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ

Мартынова Е. М.
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

Коммуникация представляет собой сложный процесс, включающий следующие компоненты: коммуникантов, обстоятельства общения, вербализацию и понимание некоего сообщения, а также коммуникативные и практические цели. Поскольку речевая интеракция имеет место между личностями, обладающими индивидуальными особенностями, а главное, преследующими, как правило, различные коммуникативные и практические цели, то часто между ними возникает столкновение интересов. В этом случае коммуникантам приходится отстаивать свои позиции. Можно выделить три основных типа защитных реакций: 1) избегающая; 2) неагрессивная; 3) агрессивная.

Избегающая стратегия заключается в стремлении потенциального участника коммуникации избежать неприятных тем или общения в целом. Иллюстрацией такой защитной реакции может служить поведение местных жителей в примере (1), пытающихся ускользнуть от бесед (односторонних) с Андреем Силантьевичем.

(1) В нашем дворе живет Андрей Силантьевич, девяностолетний старик, сохранивший отчасти разум. Местные жители боятся его как огня. Целыми днями дедушка сидит у подъезда, поджидая жертву. Не дай бог вам вежливо сказать ему:

- Добрый день.

Мимо дедули нужно мчаться со скоростью ветра, не обращая внимания на издаваемые стариком гудки, в противном случае тебя торжественно усадят на скамейку и заведут бесконечный рассказ о нэпе, Второй мировой войне, пятидесятых годах… Торопиться Андрею Силантьевичу некуда, в слушателя он вцепляется мертвой хваткой, и остается лишь, мерно кивая головой, погибать под лавиной совершенно неинтересных тебе сведений [Донцова 2005: 189].

Неагрессивная защитная стратегия представляет собой дружелюбное отражение коммуникантом попыток собеседника проникнуть в его личное коммуникативное пространство. В примере (2) такой тактики придерживается Свияжский, не желая, чтобы Левин получил слишком много информации о нем, его мыслях и планах.

(2) Они были дружны с Левиным, и поэтому Левин позволял себе допытывать Свияжского, добираться до самой основы его взгляда на жизнь; но всегда это было тщетно. Каждый раз, как Левин пытался проникнуть дальше открытых для всех дверей приемных комнат ума Свияжского, он замечал, что Свияжский слегка смущался; чуть заметный испуг выражался в его взгляде, как будто он боялся, что Левин поймет его, и он давал добродушный и веселый отпор [Толстой 1981: 361].

Частным случаем защитной стратегии второго типа следует считать проявление обезоруживающей искренности, откровенности, открытости. Яркий тому пример - коммуникативное поведение князя Мышкина (3).

(3) Ганя, раз начав ругаться и не встречая отпора, мало-помалу потерял всякую сдержанность, как это всегда водится с иными людьми. Еще немного, и он, может быть, стал бы плеваться, до того уж он был взбешен. Но именно чрез это бешенство он и ослеп; иначе он давно бы обратил внимание на то, что этот «идиот», которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать. Но вдруг произошло нечто неожиданное.

- Я должен вам заметить, Гаврила Ардалионович, - сказал вдруг князь, - что я прежде действительно был так нездоров, что и в самом деле был почти идиот; но теперь я давно уже выздоровел, и потому мне несколько неприятно, когда меня называют идиотом в глаза. Хоть вас и можно извинить, взяв во внимание ваши неудачи, но вы в досаде вашей даже раза два меня выбранили.

Ганя ужасно смутился и даже покраснел от стыда [Достоевский 1982(б): 92].

Как отдельный подтип неагрессивной защитной реакции можно рассматривать и подчеркнутое следование ритуалам. Холодная вежливость или «строгая официальная почтительность» Вронского в примере (4) помогает ему в какой-то степени защититься от оскорбительного коммуникативного поведения принца.

(4) Вронский постоянно чувствовал необходимость ни на секунду не ослаблять тона строгой официальной почтительности, чтобы не быть оскорбленным. Манера обращения принца с теми самыми лицами, которые, к удивлению Вронского, из кожи вон лезли, чтобы доставлять ему русские удовольствия, была презрительна. Его суждения о русских женщинах, которых он желал изучать, не раз заставляли Вронского краснеть от негодования [Толстой 1981: 390].

Агрессивная защита отличается от других видов многообразием своих проявлений. Прежде всего необходимо отметить, что агрессия лежит в основе любого коммуникативного конфликта, неважно, нападение или защиту выбирает участник коммуникации. Повышенный тон уже сам по себе есть показатель коммуникативной агрессии. Девизом данной стратегии может служить фраза: «Лучшая защита - это нападение». Ча-